

КОММУНИКАТИВНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ НАУЧНЫХ ДИСЦИПЛИН – PRO ET CONTRA. ОТВЕТ ОППОНЕНТАМ*

**Антоновский Александр
Юрьевич** – доктор
философских наук,
исследователь.
Межрегиональная
общественная организация
«Русское общество истории
и философии науки».
Российская Федерация,
105062, Москва, Лялин пер.,
1/36, стр. 2;
e-mail: antonovski@hotmail.
com

COMMUNICATIVE CLASSIFICATION OF SCIENTIFIC DISCIPLINES – PROS AND CONS. REPLY TO CRITICS

Alexander Yu. Antonovski –
DSc in Philosophy, Researcher.
Inter-Regional
Non-Government Organization
“Russian Society of History
and Philosophy of Science”.
1/36 Lyalin Lane, build. 2,
Moscow 105062,
Russian Federations;
e-mail: antonovski@hotmail.
com

Выражаю благодарность коллегам за проделанный критический анализ. Было выявлено много неточностей, противоречий и ошибок.

В статье А.В. Сахаровой предлагается дать ученым право на самоопределение в вопросе обозначения границ своей науки, но при

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках гранта № 24-18-00183 «Таксономии в онтологических, методологических и дисциплинарных структурах науки» (<https://rscf.ru/project/24-18-00183/>) в МРОО «Русское общество истории и философии науки». The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of grant 24-18-00183 “Taxonomies in the ontological, methodological and disciplinary structures of science” (<https://rscf.ru/project/24-18-00183/>) in Inter-Regional Non-Government Organization “Russian Society of History and Philosophy of Science”.

этом запретить им транслировать (административно?) свои дисциплинарные стандарты на другие области науки. Однако практикующие ученые редко занимаются самоопределением, обозначением границ своей науки, и еще реже распространяют дисциплинарные принципы на другие области. Но если они это делают, то уже не в ипостаси практикующего ученого, а переходят на метауровень – эпистемологического – анализа, превращаются в философов науки.

Такая экспансия исследовательских стандартов, если она случается, должна принять коммуникативный формат запроса на контакт в виде научной публикации. Если она найдет коммуникативный ответ (в ее критике, цитировании, ответной статье и т.д.), это и будет означать начало кристаллизации трансдисциплинарного дискурса. Кто конкретно выступает инициатором «расширения дисциплинарных рамок», научно-образовательный и профессиональный бэкграунд ученого и его научная специальность не так существенны для принятия такого запроса. Существенен сам характер публикации, ее способность инициировать кристаллизацию нормативных ожиданий (дискурса мета-транс-дисциплинарности, а затем и соответствующей институционализации в виде секторов, кафедр, журналов). Но первый эволюционный механизм формирования трансдисциплин – это формирование пула читателей «трансдисциплинарной» статьи, способных ответить на том же метаязыке. В этом контексте тезис, что у самих ученых есть некое право на самоопределение, но запрет на экстраполяцию собственных исследовательских стандартов лишен смысла. С точки зрения коммуникативного этоса науки любое научное высказывание, если оно не идеологично, не манипулятивно, обосновано и актуально, имеет право на существование и требует валидации или отклонения, кто бы его ни совершал – философ науки или практикующий ученый.

В то же время мы разделяем сомнения А.В. Сахаровой в том, что предложенная классификация не «достаточна для деления области науки на дисциплины». Действительно, эта классификация (как и любая другая) не является исчерпывающей. Во-первых, потому что подразделяются не конкретные дисциплины, а скорее их комплексы, распределяющиеся прежде всего на фундаментальные (предметно-ориентированные, ищущие в структурах самого предмета наблюдения возможности для самоструктурирования), ориентированные на социальные запросы, а также отвечающие вызовам времени. При этом конкретная дисциплина может отвечать сразу нескольким ориентирам или начинаться как ситуативно значимая, а затем превращаться в фундаментальную, как это случилось с микробиологией, находящейся на стыке фундаментальных и клинических задач. Поэтому аргумент А.В. Сахаровой о том, что «результаты фундаментальной дисциплины неожиданно «сыграют» в каком-либо прикладном аспекте, как, например, исследования атома», вовсе не опровергает, а как раз

подтверждает принцип коммуникативной дифференциации. Научное высказывание определяется не только в собственно предметном, но и в социальном, и во временном измерениях. При изменении исторической ситуации меняется и коммуникативное значение текстов, как это случилось, например, с «Доном Кихотом» Пьера Менара.

Первая предпосылка предложенной классификации состоит в том, что научное высказывание в форме публикации представляет собой запрос на контакт, ответ на который требует учета трех контекстов: о чем говорить, с кем говорить и когда говорить. В этом смысле всякая научная статья тематизирует предмет, мнение коллег и приоритизирует нечто новое. И чтобы быть понятым (= принятым или отклоненным), этот запрос получает комплексное определение в означенном пространстве измерений. Поскольку же наука – на элементарном уровне – состоит из высказываний-публикаций (вторая предпосылка), то соответственно образуются комплексы дисциплин, в большей или меньшей степени (!) учитывающие тот или иной из означенных контекстов.

Конечно, этот классификационный принцип и сам остается идеальным типом. И значит, в чистом виде мы не встретим исключительно предметно-, темпорально- или социально-ориентированных дисциплин. Каждая из них в большей или меньшей степени «инстанцирует» данный принцип или отклоняется от этой регулярности. В этом смысле принцип реализма (учета структурности внешнего мира) не противоречит принципу коммуникативизма (учета структурности коммуникативного запроса на контакт).

Этим мы отвечаем на упрек в произвольности и субъективности, по мнению А.В. Сахаровой, проистекающий из структуры коммуникации, которая действительно, согласимся, не имеет коррелята в ее внешнем мире. Действительно, коммуникация, не исключая и научную, в первую очередь занята сама собой, заинтересована в том, чтобы продолжаться, независимо и даже вопреки тому, что происходит вне ее.

В этом смысле представляется оправданным опасение Сахаровой А.В., касающееся того, что из притязания на реалистическое описание реальности науки вытекает коммуникативный релятивизм. Ведь научная коммуникация требует придумывать все новые аргументы, чтобы отвечать на прошлые публикации, а не самой природе, у которой нет своего собственного голоса. Правда, из этого коммуникативного релятивизма, в свою очередь, парадоксальным образом вытекает реализм.

Во-первых, наука – сама по себе реальное предприятие, и квинт-эссенция ее реальности – это ее публикации, имеющие вполне определенные пространственно-временные границы. Во-вторых, наука, даже будучи коммуникацией, не замыкается в своих коммуникативных продуктах – фантастических теориях о прямолинейных движениях,

на которые не действуют никакие силы, идеальных типах целерационального действия, неизбежно обремененных и аффективностью, и ценностной нагруженностью. Реалистичность научных теорий не столько референтна, сколько инструментальна в смысле Яна Хакинга, который выводил реальность электрона из его инструментально-наблюдательной функции в электронном микроскопе.

Предлагаемые модели, классификации, идеальные типы и теории суть инструменты наблюдения реальности, применение которых позволяет зафиксировать эмпирические отклонения от предложенных моделей. А.В. Сахарова утверждает, что «дисциплины лишь отчасти подчиняются этим принципам», но фиксация этого «отчасти», этой погрешности в измерениях, как раз и отсылает к эмпирической реальности, не поддающейся однозначному схватыванию в ее моделях. Реальность возникает как результат сравнения показаний всегда несовершенного инструмента наблюдения (каковыми являются также и научные понятия и классификации) и уточняющего наблюдения второго порядка, фиксирующего область недоступности в наблюдении первичного наблюдателя. Реальность и сама контекстуальна, поскольку является эмерджентным результатом фиксации чужого «слепого пятна» наблюдения в рамках некоторого метанаблюдения.

В этом смысле предложенная коммуникативная классификация реальна в том смысле, что приняла материальную форму публикации, а значит, и сама является предметом научного анализа в отношении того, как она отвечает своему референту (науке), как выдерживает критику коллег и насколько она нова и актуальна. А.В. Сахарова, пользуясь предложенным инструментом наблюдения, тестирует данный инструмент наблюдения на его чувствительность к фактической реальности науки и как наблюдатель второго порядка видит больше, фиксирует реальность, закрытую слепым пятном нашей идеально-типической классификации. Собственно, в этом и состоял знаменитый реалистический тезис Бернара Шартского о наблюдателях, карликах, стоящих на плечах гигантов и видящих дальше них.

Е.В. Масланов задается вопросом о том, зачем «отказываться от классического использования концепции естественных видов для выстраивания классификации наук, ведь они сразу же были “возвращена” в первом механизме дифференциации». Приходится согласиться с тем, что естественные виды в каком-то смысле неустранимы, ведь любая дисциплина составляет модели, имеющие естественные корреляты как некую область более жестких связей, независимых от связей внутри дисциплины. Электрон «размазан» по орбите, но есть области большей вероятности его обнаружения. Но эта «естественность» (т.е. природно-заданные границы объектов) почти сразу же нивелируется в научном наблюдении, ведь у ученого всегда есть возможность поворота на 360 градусов – от предмета самого по себе,

в его «естественной» данности и границах, к модусу наблюдения этого предмета, к методу, инструменту, истории исследования предмета в данной дисциплине.

Наблюдатель не может раствориться во внешнем мире, в «ноэ-матическом» содержании наблюдения. Он всегда словно возвращается к себе, переходит от того, что он рассматривает, к тому, как он это рассматривает. Другими словами, у теории или модели (инореферентного «о чем» наблюдения) есть корреляты во внешнем мире науки, и в этом смысле он «естественен». Но в то же время у самореферентного «как» наблюдения (обращения к методу, к инструменту, технике изложения, критике подходов) такого естественного коррелята, очевидно, не обнаруживается. Техника наблюдения – это собственно и есть сама коммуникация.

Далее Е.В. Масланов указывает на то, что разделение на *hard/soft science* связано с различием дисциплин в точности их предсказаний. Конечно, трудно спорить с тем, что различие в предсказательной силе является основанием их дифференциации. В этом смысле значения высказываний в темпоральном измерении влияют на дифференциацию наук по их предмету. Этот тезис лишней раз подчеркивает, что наука в целом находится в суперпозиции – в том смысле, что ее предметная, социальная и временная локализация выказывает свойства некоего подобия принципа неопределенности. Большая точность ее фиксации в предметном измерении (например, если мы признаем *soft science* за полноценную, предметно-определенную науку) приводит к размыванию определенности во временном отношении, в данном случае – в вопросе точности ее предсказаний (но также и в вопросе истинности, т.е. в социальном измерении). Ведь лишь то, что подтвердится в будущем, определит, относится ли некоторое высказывание к науке. Рецензенты вынуждены иногда принимать к публикации статью с «отложенными» на будущее результатами, авансом, если автору удалось удачно проблематизировать свое высказывание. Проблемность (третье – темпоральное – значение бинарном коде истина/ложь) выступает в этом случае неким функциональным аналогом истины и служит основанием научного консенсуса. В этом смысле и сами *soft science* принимаются в науку авансом, поскольку однозначно фиксируют проблему (трудная проблема сознания, проблема социального порядка и т.д.), но пока не предложили четких критериев истинности в их решении.

В критике О.И. Соколовой проблематизируется введенное нами различие когнитивных и нормативных ожиданий. Однако я вовсе не утверждал, что это различие является «вариантом решения» проблемы первичности «природных видов» или «исследовательских целей». Несколько тривиализируя, можно сказать, что социальные ожидания (как социальные структуры) делают возможным как нормативную стабилизацию дисциплины (парадигмы), так и ее трансформа-

цию (преодоление дисциплинарных стандартов). Словари и энциклопедии – квинтэссенции нормативных ожиданий, но одновременно – главные мишени в конкуренции парадигм. Замечания О.И Соколовой о том, что энциклопедии все-таки способны презентировать (хотя мне лично такое не встречалось) прорывные научные открытия, как раз и не соответствует нормативным ожиданиям, закрепляющимся в этом жанре. И если кто-то утверждает нечто, не соответствующее жанру, сам жанр это нисколько не меняет, а лишь создает – в лучшем случае – свой собственный. В этом смысле я бы не назвал предлагаемые в качестве контрпримеров открытые «сетевые энциклопедии» энциклопедиями в собственном смысле. Социально-сетевая публичная презентация текстов в таком формате open access и соответствующая публичная сетевая экспертиза статей и репутаций – это новый феномен демократизации и эгалитаризации науки. Он делает возможным предложение к обсуждению научных высказываний, обходящих строжайшие фильтры научно-эволюционного отбора и этим – парадоксальным образом – усиливающих вариативность или изменчивость в эволюции научного знания. Он словно компенсирует некоторые дисфункции меритократизма (эффекты Матфея и т.д.), который в целом, однако, представляется функционально полезным для самоуправления в науке. То, как с такой вариативностью справляется сама наука, – вопрос отдельный.

А.А. Аргамакова в своей реплике обращается к классическому для эпистемологии и философии науки противопоставлению реализма и антиреализма, или социального конструктивизма разной степени жесткости. Не очень понятно, что А.А. Аргамакова понимает под «реальными свойствами объектов», на основании которых, по ее мнению, строятся научные классификации. Номенклатура химических объектов не может являться здесь аргументом в пользу реализма, т.к., во-первых, подлежит постоянной корректировке на протяжении ее истории, то есть удовлетворяет критерию темпоральности. Во-вторых, требует консенсуса ученых для ее внедрения в научные практики, т.е. удовлетворяет критерию социальности. В-третьих, в предметном отношении можно с равной степенью аргументированности заявлять как то, что «природа проводит границы внутри видов», так и то, что видовые границы представляют собой теоретические конструкты, произвольно выбранные самими учеными и «навязанные» природе извне. Именно в этом и заключается философская проблема определения «естественных видов»: ни одна из перечисленных А.А. Аргамаковой концепций, претендующих на решение этой проблемы, не смогла закрепиться в качестве окончательного решения естественно-видового вопроса, как бы к тому ни стремились ее авторы. Предложенная мной коммуникативная модель классификации не является исключением.

В заключение хочу еще раз поблагодарить авторов за их участие в дискуссии, критические замечания и вдохновляющие предложения.